

27 МАР 1986

ЗАЧЕМ ГОРОДУ ТЕАТР?

ОБОЗРЕНИЕ

Спектаклем о революции открыл Чинкинский областной театр русской драмы свой восьмой театральный сезон. Восьмой — это значит, что пора ломки голоса, пора становления театра уже позади. Наступило время вести разговор о мастерстве, о программе, о принципах театрального искусства по строгому счету большого десятилетия.

Итак, спектакль о революции К 50-летию Советской власти чинкинцы поставили «Любовь Яровую» К. Треняева. Пьесу сложную и тонкую, одну из первых революционных драм, пришедших на смену так называемым «двухактными» массовым арсеналам.

В спектакле наиболее удался второй план, слушающий своеобразным фоном, в котором и кроется ответ на многие «почему» и «зачем», объясняющие поступки главных героев.

Спектакль, без сомнения, стал бы событием в театре, будь он задуман именно так, с акцентом на второй план. Картина революции стала бы шире, объемнее, ярче и выпуклее. Но второй план стал над первым не благодаря таланту режиссера И. Дубровского, а из-за... режиссерского провала. В спектакле явно и начного слабее, чем следует, главные герои. Сведение сложного образа к одной характерной черте, необоснованное выпячивание этой черты, например, жестокой безмисловности у поручика Ярового, злодейской радости интриганки у Павловой — вот почерк в этом спектакле авторов М. Казанина и А. Кроля.

Все это приводит к снижению сил героической пьесы. Следующей премьерой сезона была «Паванная» А. Софронова. Незыбловый уровень драматургической основы театр еще более усугубил, взяв курс на развлекательность, во имя желанья во что бы то ни стало привлечь зрителя, причем притянуть самому непривлекательному. Та же линия чувствуется и в других, более значительных работах театра.

Пьеса новосибирского драматурга В. Авертеева «Чти отца своего» идет во многих театрах страны. В спектакле, областных, городских, народных. Сама по себе не очень яркая и страстная, она, однако, привлекает внимание многих коллективов. Почему? Дело, думается, в попытке автора придать ставший необходимым сегодня серьезный и строгий разговор о взаимоотношениях отцов и детей, о честности в жизни, том принципиальной честности, без которой нет настоящего человека.

Пьеса не сложна. В возможности театра было, осмыслить ее действие в ключе высокой гражданственности, создать спектакль впечатляющий, по настоящему современный. Ибо, по словам одного из первых сегодняшних режиссеров — Г. Товстоногова, современность в режиссуре — это прежде всего гражданственность.

Но театр пошел по проторенной дорожке и снова выбрал путь «облегченного» спектакля, где зрителю не надо думать — все понятно, все разложено.

Кто же виноват в том, что спектаклю не удалось подняться выше радовой бытовой взвеси и стать пьесой о честности, правды, живительного пути — актеры И. Болотова, В. Куликова, В. Аомкина или режиссер Г. Коткин (спектакль, кстати, был его дипломной работой в Тамбовском театральном институте) — сказать трудно. Есть и третий виновник — атмосфера Чинкинского театра, в спектаклях которого неслетко обнаружить веяние того большого и красивого, что зовется искусством духом искания.

Особенно это чувствуется, когда театр берется за классику. Не часто увидишь на сценах наших театров «Богатыи повести» А. Островского.

...На сцене — беседки. За самозаром — купчиха. Размазавшая, бешеная, глупая, она хочет замуж. В соседках — другая женщина, красивая и тонкая натура, обманутая в ранней юности богатым аристократом. Вырвавшая из лап героя, ввергнутая в пучину разврата. Она тоже хочет замуж. За богатого соблазнителья, разумеется. А он, желая достичь еще большего богатства, имеет намерение пристроить ее за чиновника, убогого, честного, гордого молодого человека. Молодые люди влюбляются, добродетель торжествует. Купчиха жонглирует на себе одного из многих таинственных — то ли ского угодника, прощупывая и плутов. Вот и вся пьеса.

Про что она, такая вот — красавица, как дубочная картинка, со шлейфом прописных истин, вся в оборках ветхохозяйственных мелодраматических сентенций, какой она идет на сцене Чинкинского театра! Если про жизнь, то не при жизни, если про любовь, то не по законам учебника Антверпа.

Безусловно, зритель смеется часто и гарантированно. Да и смеяться — актриса И. Болотова такими точными и точными, прямо-таки мастерскими катками рисует свою купчиху Бедонегову, а артист М. Казанин, шатающийся по сцене мелкими шажками Церамедолова и свисая его шило-подоловатым свистком, тоже смеется, хотя вдруг, неожиданно, смеет, накапливаясь, переходит в другое качество, и образ уже не смеется — он страшен. Таковы удачные спектакли.

Но, аплодируя актерам, развеселившим его, зритель не замечает ни фальши Гаврилова (арт. А. Кавка), ни ложной многозначительности Анны Афанасьевны (арт. З. Кобзева), ни наигрыша Белесовой (арт. А. Кроль), проносимой своей текст всегда одинаково четко и громко, как лютневая ученица на уроке, ил резонерства Цыгулова (арт. А. Исупов). Ни замечает потому, что, воспитанный театром на спектаклях развлекательных, змеющийся из общения с театром убежден, что главное на сцене — чтоб было от чего повеселиться. Зритель не умеет и подчас не хочет думать на спектакле, поэтому веселые картинки иллюстраций к Островскому чистосердечно принимает за настоящий спектакль. Не замечая, что нет стержня — обобщенка, высокой мысли, большой — шнему дню, во имя которой и стоит театр превратить доброе имя классика.

Режиссер М. Казанин в работе над этой ролью никак не раздал дальше, чем в создании спектакля в целом. В том, что его роль удалась, — хороша причина. Возможно, он в конечном спектакле удастся перестроить в том же творческом плане, в каком выполнена авторская работа режиссера.

...Четыре премьеры. Четыре пьесы. Русская — оспетская классика, две современных пьесы. Разные, очень интересные драмы на разных авторах, разных темах, характерах. А спектакли получались похожими — все на один лад. У всех время и сторону упрощения, облегчения — и тех пьес, что сложные и глубоки, и тех даже, где, казалось бы, и упрощать нечего. Что это — кредо театра? Вряд ли. Скорее — отсутствие желания искать и наличие желания любой ценой угодить зрителю.

...Премьера. Слово звучное, красивое и очень ответственное. Означающее, что спектакль только-только родился и делает в жизни первые шаги.

И по-другому можно понять это слово. Премьера — это еще и отчет. Отчет театра перед зрителем.

Но вот странно: на афишах Чинкинского театра полновесное, такое театральное и праздничное слово «премьера» заменили скучным и обидным — «новый спектакль». Вероятно, и спорить не из-за чего — ведь значение одно и то же. Упущено главное — театральность. Премьера — это слово, заветное, радостное. Упрощая афишу, в театре заведомо признают — мало в Чинкинском театральном. Некому строго судить о премьере. И нет праздничности, говоря образно, — огни потушены, и потому всего лишь — новый спектакль.

В театр пришла недавно большая группа молодых актеров. В театре есть признанные мастера, с большим опытом, с интересной творческой палитрой. Каждый сезон появляются на театральном горизонте острые, страстные, нередко очень своеобразные произведения, чутко отражающие трудное, сложное, яростное и прекрасное наше сегодня.

Есть кому и есть у кого учиться, и есть что ставить. И есть зритель, которому и раздумья нужны, и нужен праздник, который придет к нему вместе с настоящим искусством. Искусством больших идей, ярких мыслей, высокой гражданственности.

Вот зачем, думается, городу театр.

И. КУРАМЖИНА.

Чинкинт.